

УДК-32

**К ТЕОРИИ ПАРТИЗАНА К. ШМИТТА:
ПАРТИЗАН И ПРОБЛЕМА ДЕЦИЗИОНИЗМА**

М.П. Остроменский¹

Обосновывается гипотеза, о том, что партизан как социально-политический феномен возникает в условиях неопределённой политико-правовой ситуации как решение частным лицом для себя проблемы децизионизма посредством начала самостоятельной вооружённой политической борьбы. Партизан как частное лицо принимает политическое решение уровня: «*jus gladii*» - «право меча» и «*jus belli as pacis*» - «право войны и мира», всегда являвшегося исключительным правом суверена. Цель борьбы партизана – его собственная десоверенизация, возвращение к исходному довоенному состоянию. Проведено сравнение партизана и коллаборанта.

Ключевые слова: Карл Шмитт; теория партизана; децизионизм; суверен; понятие политического; политико-правовая неопределённость; коллаборант.

Партизан как явление и как важнейший фактор политической жизни человечества систематически начал исследоваться по выходу работы выдающегося немецкого юриста и политического мыслителя Карла Шмитта «Теория партизана» [16]. Но К. Шмитт больше интересовался проблемами возникновения права, регулярности и государства, рождения *civil ad chao*, если перефразировать известную максиму, чем сопровождающими данный процесс явлениями. Однако феномен партизана не просто являлся значимым в истории XX в., но временами определял судьбу всего человечества, поэтому научный интерес к партизану не ослабевает [1].

Нами ранее [8] была сформулирована гипотеза, согласно которой партизан как социально-политическое явление опосредуется личным решением индивида о начале вооружённого противостояния в условиях политико-правовой неопределённости в государстве, вызванной серьёзно поставленной под сомнение легитимностью действующего на территории действия партизана суверена. Нами также были описаны эвентуальные социально-политические условия появления партизана [9]. В частности, подчёркивалось сходство партизана и суверена в части принятия самостоятельного независи-

¹ Остроменский Михаил Юрьевич - начальник отдела экономического развития и трудовых отношений администрации Ленинского района г. Новосибирска. E-mail: ostrom06@mail.ru.

мого политического решения о войне и мире. В данной работе предполагается последовательно обосновать гипотезу о партизане как квазисуверене.

Центральное место в понимании феномена партизана, по нашему мнению, занимает т.н. проблемы децизионизма – необходимость принятия политического решения о действии [12] (т.е. в определении «друга» и «врага», выражаясь языком К. Шмитта [11]), при серьёзном положении – когда требуется наличие «готовности к смерти и готовности к убийству и возможность убивать людей» [11]. Подчеркнём, что в данном контексте убийство имеет свою целью решение политических проблем, безотносительно к экономике или этике. К. Шмитт особенно выделял, что политический «враг не конкурент и не противник в общем смысле. Враг также и не частный противник, ненавидимый в силу чувства антипатии... Врага в политическом смысле не требуется лично ненавидеть... Не нужно, чтобы политический враг был морально зол, не нужно, чтобы он был эстетически безобразен, не должен он непременно оказаться хозяйственным конкурентом, а может быть, даже окажется и выгодно вести с ним дела. Он есть именно иной, чуждой, и для существа его довольно и того, что он в особенно интенсивном смысле есть нечто иное и чуждое, так что в экстремальном случае возможны конфликты с ним, которые не могут быть разрешены ни предпринятым заранее установлением всеобщих норм, ни приговором «непричастного» и потому «беспристрастного» третьего» [11].

Политическое решение в серьёзной ситуации есть всегда решение конкретного человека как личности, а не результат коалиционного компромиссного действия коллегиального органа [9]. Именно в этой ситуации, политико-правовой неопределённости, становится ясным, кто есть действительный суверен. Более того, децизионизм вообще подразумевает под сувереном лишь индивида, взявшего на себя право принимать решение [3], т.е. личность, и способного это решение осуществить (навязать).

Иначе: проблема децизионизма заключается в том, что кто-то, какое-то конкретное лицо, должно взять ответственность на себя и принять решение о действии, отдать приказ, в том числе о насилии, в ситуации, когда политико-правовые основания для этого почти полностью отсутствуют или крайне неопределенны. Это означает решение о действии в условиях по-настоящему поставленной под сомнение легитимности суверена, то есть в условиях серьёзной политико-правовой неопределённости.

Приведём ряд исторических примеров, иллюстрирующих проблему децизионизма и способы её решения.

В 532 г. н.э., во время паники, вызванной восстанием «Ника», на уговоры приближённых и самого императора Юстиниана I бежать, ибо флот и финансы были для этого готовы, императрица Феодора категорически отказалась это делать, заявив, что «порфира – лучший саван». Она настояла на организации вооружённого сопротивления. В условиях серьёзно поставленной

под вопрос легитимности императора (т.е. в наличии проблема децезионизма), Феодора, проявив мужество и политическую волю, приняла политическое решение – остаться, вне зависимости от могущих наступить последствий для её физического существования. В итоге она спасла и жизнь, и трон. Отметим здесь, что способность принимать политические решения, не считаясь не только с чужой жизнью, но и со своей – одна из важнейших черт суверена и показатель его глубокого понимания сути понятия политического.

Политико-правовой неопределённостью характеризовалось положение в Российской Империи накануне свержения Императора Петра III, из-за всё усиливающегося конфликта между ним и его супругой, Екатериной. Нерешительное его поведение позволило успешно начаться и совершиться заговору, хотя тот был, по сути, практически раскрыт. Император обладал несравненно более превосходящими силами, как вооружёнными, так и влиянием, административным ресурсом и прочим, чем Екатерина и близкие к ней люди. Но его поведение свело на-нет это подавляющее преимущество. Неопределённостью политико-правовой ситуации характеризовалось положение в Российской Империи после подписания императором Николаем II манифеста об отречении в марте 1917 г. Собственно сама ситуация, при которой стало возможно отречение, возникла из-за неспособности императора навести порядок в Империи и усиливающимся двоевластием, когда частью населения, сторонниками Советов, был поставлен вопрос о легитимности его власти.

Третий пример относится уже непосредственно к партизанским действиям. Неопределённым было положение на Украине в период гражданского противостояния в ноябре 2013 – феврале 2014 гг. Тогда организации Евромайदानа серьёзно поставили под сомнение легитимность президента В. Ф. Януковича как суверена. Последний не смог её доказать и отстоять. В этом смысле, акции на Болотной площади в Москве в феврале 2012 г., как и всё протестное «белоленточное» движение 2011–2013 гг., нельзя назвать «серьёзным», ибо от них не исходило никакой существенной угрозы власти правящей в РФ группы [6, 7].

Вернёмся теперь к ситуации, в которой возможно появление партизана [9].

Итак, в период военных действий часть гражданских лиц, оказавшихся на оккупированной территории под властью нового суверена и потерявших непосредственный контакт со старым и нежелающая сотрудничать с оккупационными властями, становится перед дилеммой: либо ей пассивно дожидаться результатов противостояния суверенов, либо принять самостоятельно политическое решение о действии и вступить в вооружённую борьбу с новым сувереном, отстаивая интересы старого и свой привычный образ жизни, т.е. принять самостоятельное решение о насилии [8,9].

В социуме традиционно установлены значительные ограничения на применение силы, в особенности с использованием оружия. Общество не воспринимает нападение одного своего члена на другого, с покушением на их жизнь и свободу, независимо от социальной, религиозной, политической или иной принадлежности потерпевшего, как естественное и неотъемлемое право самостоятельного действия частного лица. Такое право никогда не было всеобъемлющим и безусловным, оно никогда не распространялось на всех членов общества и по их произволению.

Даже жестокие этнические конфликты (например, геноцид армян, понтийских греков и ассирийцев в Османской империи в 1915–1923 гг.; истребление хорватами сербов в 1941–1945 гг.; депортация немцев из Восточной Европы в 1945–1950 гг.; массовые убийства народа метабеле в Зимбабве в 1982 г. или тутси в Руанде в 1994 г. и т.п.) происходили с молчаливого согласия или действенного пособничества властей, сиречь суверена, а не были стихийным движением масс. Последнее, самовольно возникшее или выходящее за некоторые установленные властью рамки, всегда жёстким образом пресекалось. Так было всегда с еврейскими погромами в Российской империи, когда и центральные власти, и полиция строго и твёрдо подавляли подобные самочиния. Такова и судьба Лотара фон Трота, считающегося главным виновным за массовую гибель южноафриканских племён гереро и нама в 1904 г. и подвергнувшегося обструкции у себя на родине, в том числе и со стороны суверена, когда кайзер Вильгельм III отказался с ним встречаться. Аналогична отрицательная реакция властей СССР на Ферганские погромы 1989 г. Так канул в небытие Ку-клукс-клан.

Иногда простое ношение оружия было исключительной привилегией полноправных граждан или высших сословий, не говоря уже о его применении. Но в конечном итоге право решения о применении оружия против кого-либо есть истинное право суверена. Это его действительное и наиболее демонстративное право – право по-настоящему окончательного решения.

Потому дуэли, даже среди дворян, большей частью не приветствовались, временами запрещались, а участники их преследовались. Так, кардинал Арман Жан дю Плесси герцог де Ришелье, своим указом от 1625 г., устанавливал за дуэль либо ссылку с лишением прав состояния и имущества всех участников дуэли, включая зрителей, либо смертную казнь дуэлянтам. Император Всероссийский Пётр I, своим артикулом от 1715 г., повелевал казнить участников дуэли через повешенье, в том числе и мёртвых.

Но и более того, само право суверена на насилие тоже никогда не было абсолютным (несмотря на уверение в этом Т. Гоббса [2, 15]), оно всегда обосновывалось и регламентировалось необходимостью поддержания спокойствия и структуры социума. Случаи, когда суверен использовал своё право на насилие как безусловное, рассматривались обществом как патология.

Таким образом, со стороны суверена насилие – легально и легитимно. За ним это право признаётся социумом. Однако он может им пользоваться лишь в определённых границах, не становясь преступником во мнении общества. Не имеет значения, сам ли суверен устанавливает эти границы насилия, традиция, существующие законы которым он по каким-то причинам подчинён, важно только то, что такие границы есть, т.е. у насилия со стороны суверена должен иметься серьёзный повод, оно не может быть следствием капризов или патологии, иначе оно осуждается социумом (в частности, через наименование таких суверенов соответствующими прозвищами: Мария I Кровавая, Святополк Окаянный, Педро I Жестокий, Карл II Наваррский Злой, Влад III бессараб Цепеш (кол), Эрик I Кровавая Секира или Братоубийца, Кеннет II Братоубийца, Мак Бет Красный (кровавый) король и т.д.).

Здесь примерами могут служить эпизоды из жизни самого К. Шмитта, показывающие необходимость, пусть даже формального, обоснования применения насилия со стороны суверена, несмотря на всю мощь последнего. Так, в начале 30-х гг. XX в. К. Шмитт был очень близок к «серому кардиналу» германской политики, а затем и рейхсканцлеру Курту фон Шляйхеру и разрабатывал юридические обоснования возможности и даже необходимости применения 48-й статьи Конституции Веймарской республики о чрезвычайных полномочиях президента для роспуска парламента и передачи всей полноты власти Паулю фон Гинденбургу [17]. Позже, в 1934 г. К. Шмитт написал известную статью «Фюрер защищает закон» [14], в которой юридически обосновывал легитимность «мероприятий» 30 июня–2 июля 1934 г., т.н. «Ночи длинных ножей». Да и сам Адольф Гитлер, несмотря на свою власть и авторитет, почёл необходимым выступить со специальной речью в Бундестаге, где публично объяснял и обосновывал причины, побудившие его к этим политическим чисткам [10].

Но если для суверена насилие, условно ограниченное и даже самоуправное – приемлемо, то партикулярная личность, совершившая насилие по своей воле, всегда преступна. Её действия нелегальны и не легитимны. Она подлежит наказанию сувереном с правовой и осуждению обществом с нравственной и моральной сторон.

И вот партизан, будучи партикулярной личностью, не призванный в армию, несмотря на идущую войну, берёт самочинно в руки оружие и явочным порядком присваивает себе исключительные права суверена на «*jus belli as pacis*» — «войны и мира» и «*jus gladii*» - «право меча», тогда как соответствующими полномочиями сувереном он не был наделён. Партизан фактом своих действий становится самостоятельным субъектом вооружённого конфликта, служа наглядной иллюстрацией тезиса К. Шмитта, о том, что суверенитет юридически правильно определять «*не как властную монополию или монополию принуждения, но как монополию решения*» [12, 25]. Иначе, снача-

ла следует политическое решение о «друге» и «враге», и только после этого заходит речь о власти и принуждении, т.е. о праве.

Оккупационная власть понимает, что, несмотря на вооружённое сопротивление, партизан не является бандитом, поскольку его мотивы не экономические, а политические [14, 27]. Он не является солдатом или ополченцем, ибо не связан присягой, т.е. партизан не наделён от имени суверена полномочиями иметь и использовать оружие, а также носить униформу – символизирующую его право на насилие.

Действия партизана невозможно объяснить самообороной. Во-первых, его участие в боевых операциях направлено отнюдь не на отдельного конкретного представителя оккупационной власти, который, возможно, и совершил по отношению к партизану преступное деяние. Партизан действует по обстоятельствам, и действие сие направлено на любого выбранного им самим врага, будь то солдат, гражданское лицо, коллаборант, на имущество как рядовых граждан, так и суверенов (представителей) любой из конфликтующих сторон. Поэтому, если это и месть, то месть врагу политическому, а не из личной ненависти к конкретным лицам.

Во-вторых, цели партизана – не защита своего имущества или достоинства или жизни. Тут он серьёзно теряет в безопасности, как относительно коллаборанта, так и относительно мирных соседей. Цели партизана – изменение, по своей воле и путём вооружённой борьбы, политической ситуации складывающейся в процессе войны на определённой территории. Он ведёт борьбу за возврат политической ситуации к довоенному состоянию. Иначе, цели партизана являются политическими, а не частными.

Партизан внутренне сродни добровольцу, записавшемуся в армию по зову сердца в трудное для государства время, но и принципиально отличается от него. Оба самостоятельно, а не по закону, решают принять участие в вооружённом конфликте. Ими движут личные мотивы. Но доброволец не отличим, с правовой точки зрения, от обычного солдата, призванного на войну волею суверена, поскольку, приняв присягу и вступив в ряды регулярной армии, он отказывается от «своей воли», отдавая суверену право решать за него: кто его противник, кто союзник, кто его командир, где находиться, кого убивать, где погибнуть и т.д. Доброволец, как и солдат, есть официальный представитель суверена.

Иное дело - партизан. Его мотивация не просто личная, но она политическая, в полном смысле этого слова. Он самостоятельно выбирает политического «врага» и начинает действовать, полностью исходя лишь из своих представлений о том политическом порядке, который должен быть установлен и о методах достижения оногo. Более того, партизан самостоятельно принимает решение о допустимости, о пространственных и временных границах осуществляемого им, для достижения своих политических целей, насилия.

Другой случай коллаборанта. Он так же, как и партизан, принимает политическое решение, однако если и берёт в руки оружие, то исключительно по поручению нового суверена. Он надевает новую форму, состоит в регулярных частях, действует строго по приказу, имеет поручение и право на насилие от суверена. Это тот же солдат, но политически мотивированный. Этим он схож с добровольцем. Однако, в отличие от него, присягая новому суверену, коллаборант делает политический выбор, тогда как доброволец, записываясь в армию, проявляет теллуричность [14]. Но, как и доброволец, коллаборант не принимает самостоятельного решения о насилии. Партизан же наоборот, сам решает вопрос о войне, но остаётся верен «старому» суверену. Кроме того, партизан, как и доброволец, готов к смерти, не в пример коллаборанту, который готов убивать, а не умирать.

Для прояснения и наглядности изложенного, сведём случаи партизана, коллаборанта, добровольца и солдата по воле суверена (по призыву) в таблицу:

Сравнение децизионных положений участников вооруженного конфликта суверенов

<i>Критерии сравнения</i>	<i>Суверен («новый» - оккупант/ «прежний»)</i>	<i>Партизан</i>	<i>Коллаборант</i>	<i>Солдат-доброволец</i>	<i>Солдат по воле суверена (по призыву)</i>
<i>Мотивация участия в войне</i>	Личная – политическая	Личная – теллуристическая	Личная – физическая	Личная – теллуристическая	Отсутствует
<i>Кто определяет друга и врага</i>	Лично	Лично	Лично, в момент смены суверена, далее суверен	Суверен	Суверен
<i>Цели, личные внутренние</i>	Установить/вернуть новое/старое политическое	Вернуть старое политическое	Физическое выживание	Установить политическое в соответствии с целями суверена	Физическое выживание
<i>Цели, формальные</i>	Установить/вернуть новое/старое политическое	Вернуть старое политическое	Установить политическое в соответствии с целями суверена	Установить политическое в соответствии с целями суверена	Установить политическое в соответствии с целями суверена
<i>Кто принимает решение о насилии</i>	Лично	Лично	Суверен	Суверен	Суверен
<i>Готовность умереть</i>	Да	Да	Нет	Да	Нет
<i>Отношение к политическому [7,8]</i>	Устанавливает	Заимствует у суверена	Заимствует у суверена	Заимствует у суверена	Отсутствует

Таким образом, переход партикулярной личности, из простых граждан в партизаны (и, заметим, в коллаборанты), в терминологии К. Шмитта, можно охарактеризовать как решение им, по крайней мере, для себя лично, проблемы децизионизма — принятие политического решения о политическом действии в условиях неопределённой политико-правовой ситуации.

Человек, становясь партизаном, принимает для себя политическое решение — вступить в личную вооружённую политическую борьбу. Он сам определяет своего действительного врага. Партизан берёт в руки оружие и становится сувереном. Коллаборант, хотя и принимает политическое решение, но, не определяя самостоятельно или, точнее, явно начала вооружённой борьбы, к суверенам отнесён быть не может.

Классический «шмиттовский» партизан, в отличие от обычного суверена, не нуждается в особом своём политическом [16] (как и коллаборант). Он поддерживает прежнее довоенное политическое установление. Но это «старое» политическое, на оккупированной территории, где живёт и действует партизан, уже нелегально. Новое же политическое, учреждаемое оккупационной властью, в глазах партизана, совершенно не легитимно и неоднозначно легально. Эта неопределённость вынуждает партизана принимать политическое решение — использовать насилие для достижения своих политических целей.

Коллаборант, напротив, приемлет «новое» политическое, поскольку «старое», по его мнению, на оккупированной территории уже не легально и, хоть частично, но и не легитимно.

Жестокость действий обоих, партизана и коллаборанта, проистекает из их собственного политического решения, заключающегося в самостоятельном выборе врага — причём такого врага, такого чужого, существование которого, по их мнению, представляет реальную угрозу их бытию.

Солдату по воле суверена, воюющему по призыву, нет необходимости проявлять жестокость, превышающую необходимую, для исполнения им поручений суверена. Ни победа, ни поражение суверена не ставят вопроса о бытии солдата. Так, пленение не грозит ему неминуемой гибелью, поскольку он действовал, согласно принятым правилам, и был уполномоченным убивать, агентом легитимного суверена. Об этом солдат заявил, надев форму и исполняя приказы командиров, данных ему сувереном. Напротив, ни партизан, ни коллаборант, каждый принявший самостоятельное политическое решение и превысивший свои «полномочия» частного лица, выбравший самостоятельно политического врага — не могут рассчитывать на снисхождение, а партизан и не нуждается в этом.

Принятое личностью решение стать партизаном, т.е. начать вооружённую борьбу за своё традиционное, «старое» политическое, увеличивает неопределённость в политико-правовой ситуации на оккупированной территории.

«Друг» партизана, признаваемый им прежний суверен, не имеет никакого представления о мотивах, силе, желании, способностях, навыках партизана. Часто даже о самом его существовании. Он не знает, насколько и в каком качестве можно положиться на партизана. Он не знает, как на партизана влиять. Как отдавать приказы, как гарантировать и как удостоверить их исполнение. Ведь партизан, кроме всего прочего, находится и действует на территории, не подконтрольной этому «дружественному» суверену, покрытой «туманом войны».

«Враг» партизана также находится в неопределённости. Он знает, что у того нет корыстных мотивов – только политические. Партизан «выглядит» солдатом-добровольцем другого суверена, но поскольку он не был призван в армию, то имеет формальный статус гражданского лица на оккупированной территории. Да, партизан от него отказался *de facto*, взяв в руки оружие, но об этом никого не оповестил *de jure* (ни «друга», ни «врага»), надев форму, и не собирается этого делать [16]. Партизан, суть – самозванный суверен с неопределённым правовым статусом.

Теоретически и «другу», и «врагу» надо выстраивать с партизаном взаимоотношения как с третьим сувереном. Ведь, хотя политическое у партизана не своё, но решение он принял самостоятельное, политическое как суверен. Однако, он не только формально не является сувереном, но и не хочет им быть. Он не имеет своего политического и борется за возврат «старого» политического. По сути, партизан воюет за десоверенизацию себя как суверена. И в этом он противоположен суверену: партизан хочет так изменить ситуацию, чтобы отпала необходимость в принятом им решении о политической войне.

Именно здесь, в этой очередной неопределённости и лежит корень проблемы в установлении международного правового статуса партизана как участника вооружённого противостояния, что сильно затрудняет идентификацию партизана и классификацию его как сторону конфликта [16]. Уже существуют две борющихся стороны и их официальные представители – солдаты регулярной армии, и непонятно – партизан - это третья сторона, или представитель одной из уже воюющих?

Посему легализация или делигитимация партизана – первейшая задача столкнувшихся с ним суверенов.

Так, именно в легализации партизана как стороны конфликта, через установление тесной связи с главами местных кланов, лордами и магнатами, многие английские генералы и политики видели решение проблемы шотландских сторонников Стюартов, в период якобитских заговоров и мятежей 1689–1759 гг. [4].

Широкому и успешному развитию партизанских национально-освободительных движений во второй половине XX в. способствовала координирующая и легализующая деятельность Организация солидарности наро-

дов Азии и Африки (ОСНАА) и Организация солидарности народов Азии, Африки и Латинской Америки (ОСНААЛА), выведившая партизан на официальный международный уровень.

Объявление неудобных кому-либо партизан террористами, таким образом, лишение их возможности международного позитивного признания и поддержки – пример, противоположный приведённым. В указанной ситуации находятся современные колумбийские партизаны: Революционные вооружённые силы Колумбии (РВСК-ФАРК) и Армия национального освобождения (АНО-ЕЛН).

В этом смысле решение коллаборанта проще и положение его гораздо определённой, чем у партизана, поскольку он официально переходит на службу суверену, контролирующему территорию его проживания и способному сразу обеспечить легитимацию и подтвердить его новый статус.

Чем больше разница между системами смыслов народа [4], подвергшегося оккупации, с одной стороны, и претендующего на власть суверена, с другой, чем они непримиримее и антагонистичнее, тем значительней мотивация лиц – потенциальных партизан, тем больше вероятность и выше интенсивность партизанского движения.

Если же ощущение угрозы бытия партизана как личности и части народа со стороны «чужого» была не столь сильна, то, несмотря на внешние условия, благоприятные для партизан – оные не появятся. Этим объясняются: неудача Че Гевары в Боливии; отсутствие партизан в период наполеоновских войн, в германских государствах и даже в милитаризированной Пруссии, несмотря на эдикт короля Фридриха Вильгельма II от 17 марта 1813 г., предписывавший всем его подданным начать партизанские действия против французских войск [16], по контрасту с их широким распространением в Испании и Российской Империи.

На наш взгляд, случай партизана показывает, что К. Шмитт ошибался, когда утверждал, что всякое «право – ситуативное право» и что суверен «для создания права не нуждается в праве» [12]. Партизан и своим решением, и своим действием показывает и доказывает свою политическую субъектность, но он не устанавливает право как таковое и уж тем более не создаёт правовые нормы. Он, без установления новых правовых норм и в условиях социально-политической неопределённости, борется за возвращение условий, при которых начинает функционировать «старое» право. Диктатор является правотворцем [13], партизан – самозванным вооружённым защитником недействующих правовых норм. Они идут к одной цели разными путями.

Итак, мы определили, что партизан и коллаборант, в отличие от иных участников конфликта, принимая политическое решение, выходят за рамки области, отнесённой к компетенции партикулярных лиц. Они, присваивая себе функции суверена, определяют своего политического друга и врага. Партизан идёт ещё дальше. Он принимает самостоятельное решение о насилии.

Всё это становится возможным в условиях социально-политической неопределённости, возникшей на оккупированной территории, окончательный статус суверена которой не определён. Такая серьёзная политико-правовая неопределённость даёт возможность, на достаточно легитимной основе, отдельному частному лицу принять полноценное политическое решение и настаивать на нём, поскольку на этой территории отсутствуют настоящим образом установленные нормы права и традиции. Более того, на оккупированной территории вообще любое политическое решение не будет полноценно легитимным и легальным. Складывающаяся таким образом ситуация описывается как классическая проблема децезионизма. Партизан, решая её для себя, приобретает *de facto* политическую субъектность уровня суверена.

Библиографический список

1. *Ален де Бенуа*. Карл Шмитт сегодня. М., 2013. [Alain de Benoist *Carl Schmitt today*. Moscow, 2013].
2. *Гоббс Т.* Левиафан, или Материя, форма и власть государства церковного и гражданского. URL: <http://lib.ru/FILOSOF/GOBBS/leviafan.txt> (дата обращения: 11.05.2016). [Hobbes Th. *Leviathan or the matter, form and power of a Common wealth ecclesiastical and civil*. Available at: <http://lib.ru/FILOSOF/GOBBS/leviafan.txt> (accessed: 11.10.2016)].
3. *Гузикова М.О., Спиридонов Д.В.* Лингвистическое описание идеологий: проблема методологий // Политическая лингвистика. № 4 (50). 2014. С. 105–112. [Guzikova M.O., Spiridonov D.V. Linguistic description of ideologies: the problem of methodologies // *Political Linguistics*. 2014. No. 4 (50). P. 105–112].
4. *Малкин С.Г.* «Сухопутная пиратская война», или «война партизанских отрядов»: «взбунтовавшийся» горец в Шотландии XVIII в. URL: <http://cyberleninka.ru/article/n/suhoputnaya-piratskaya-voyna-ili-voyna-partizanskih-otryadov-vzbuntovavshiysya-gorets-v-shotlandii-v-xviii-v> (дата обращения: 11.05.2016). [Malkin S.G. *"Land pirate war" or "War of guerrilla units": the "rebellious" mountaineer in the 18th century Scotland*. Available at: <http://cyberleninka.ru/article/n/suhoputnaya-piratskaya-voyna-ili-voyna-partizanskih-otryadov-vzbuntovavshiysya-gorets-v-shotlandii-v-xviii-v> (accessed: 11.10.2016)].
5. *Остроменский М.П.* Смыслы, язык и ценности народа. URL: <http://www.warandpeace.ru/ru/analysis/view/45057/> (дата обращения: 11.05.2016). [Ostromenskiy M.P. *Meanings, language, and values of the ethnos*. Available at: <http://www.warandpeace.ru/ru/analysis/view/45057/> (accessed: 11.10.2016)].
6. *Остроменский М.П.* Снимая оранжевые очки. URL: <http://www.warandpeace.ru/ru/exclusive/view/67438/> (дата обращения: 11.05.2016).

- 11.10.2016). [Ostromenskiy M.P. *Taking off the orange glasses*. Available at: <http://www.warandpeace.ru/ru/exclusive/view/67438> (accessed: 11.10.2016)].
7. *Остроменский М.П.* Возможна ли сегодня "цветная" революция в России? URL: <http://www.warandpeace.ru/ru/exclusive/view/66800/> (дата обращения: 11.05.2016). [Ostromenskiy M.P. *Is "color" revolution possible in Russia today?* Available at: <http://www.warandpeace.ru/ru/exclusive/view/66800/> (accessed: 11.10.2016)].
 8. *Остроменский М.П.* К теории партизана К. Шмитта: Эволюция партизана как социально-политического феномена // Свободная мысль. 2016. №4. С. 65–76. [Ostromenskiy M.P. On K. Schmitt's theory of partisan: evolution of a partisan as a socio-political phenomenon. *Free Thought*. 2016. No. 4. P. 65–76].
 9. *Остроменский М.П.* К теории партизана К. Шмитта: Социально-политическая эвентуальность появления партизана // Вестник МГИМО. 2016. № 5 (50). С. 86–93. [Ostromenskiy M.P. K. Schmitt's theory of partisan: socio – political eventuality of partisan. *Vestnik MGIMO-University*. 2016. No. 5(50). P. 86–93].
 10. *Смирнов А.* Шмитт защищает фюрера // Логос. №5. 2012. С. 87–98. [Smirnov A. Schmitt defends the Fuhrer // *Logos. Philosophical Literary Journal*. 2012. No. 5. P. 87–98].
 11. *Шмитт К.* Понятие политического // Вопросы социологии. 1992. № 1. С. 37–67. [Shmitt C. The concept of the political // *Questions of Sociology*. 1992. No. 1. P. 37–67].
 12. *Шмитт К.* Политическая теология. М., 2000. [Shmitt C. *Political theology*. Moscow, 2000].
 13. *Шмитт К.* Диктатура. От истоков современной идеи суверенитета до пролетарской классовой борьбы. СПб., 2005. [Shmitt C. *Dictatorship from the origin of the modern concept of sovereignty to proletarian class struggle*. St. Petersburg, 2005].
 14. *Шмитт К.* Фюрер защищает право // Шмитт К. Государство и политическая форма. М., 2010. С. 263–270. [Shmitt C. Fuhrer protects the law. Shmitt C. *State and political form*. Moscow, 2010].
 15. *Шмитт К.* Левиафан в учение о государстве Томаса Гоббса. СПб., 2006. [Shmitt C. *Leviathan in the state theory of Thomas Hobbes*. St. Petersburg, 2006].
 16. *Шмитт К.* Теория партизана. Промежуточное замечание к понятию политического. М., 2007. [Shmitt C. *Theory of the partisan. Intermediate commentary on the concept of the political*. Moscow, 2007].
 17. *Филиппов А.Ф.* Карл Шмитт: расцвет и катастрофа // Шмитт К. Политическая теология: сб. статей. М., 2000. [Filippov A.F. Carl Schmitt: the rise and crash. Shmitt C. *Political theology*. Moscow, 2000].

**TO CARL SCHMITT'S THEORY OF THE PARTISAN: PARTISAN AND
THE PROBLEM OF DECISIONISM**

M.P. Ostromenskij

Head of the Department of Economic Development and Labor Relations, Administration of the Leninsky District of the City of Novosibirsk, Novosibirsk

The author substantiates the hypothesis that the partisan as a socio-political phenomenon occurs when, in an uncertain political and legal situation, an individual solves the problem of decisionism for himself by starting an independent armed political struggle. A partisan as a private person takes a political decision of the level “jus gladii” – “the right of the sword” and “jus belli as pacis” – “the law of war and peace”, which is always a sovereign’s prerogative. The purpose of a partisan’s struggle is his own desovereignization and return to the original pre-war state. The article also provides comparison of the partisan and the collaborator.

Keywords: Carl Schmitt; theory of the partisan; decisionism; sovereign; concept of the political; political and legal uncertainty; collaborator.